

УДК 81' 366'37

И.А. КОЛТУЦКАЯ,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
Восточноевропейского университета имени Леси Украинки (г. Луцк)*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ «РАДОСТЬ / ЗАВИСТЬ» В СЛАВЯНСКОМ МИФОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Представлен анализ структурно-функциональных характеристик эмоциональных концептов «радость/зависть» в мифологическом и философско-религиозном дискурсах. Основное внимание уделено структуризации семантических компонентов соответствующих лексем радость/зависть (на материалах «Словаря...» В.И. Даля) с учётом их парадигматических и синтагматических связей в русском языке.

Ключевые слова: концепт, концептуальная и языковая картина мира, смысловой компонент, синтагматические и парадигматические связи.

Важнейшим инструментом анализа эмоциональной картины мира является анализ эмоциональных концептов. Исследование эмоциональных концептов в разных лингвокультурах активно ведется лингвистами в славянских странах – это работы Г. Карликовой, А. Миколайчук, А. Кшижановской, Э. Сятковской, Э. Енджейко, М. Борек, А. Спагинской-Прушак и др. Имена эмоций в диахронии исследовали В.В. Колесов, Л.А. Калимуллина, В.И. Чететка, И.Г. Заяц, И.П. Петлева и др. Большую актуальность в современной науке приобретает изучение языков с позиций межкультурной коммуникации А. Вежбицкой, С.Г. Тер-Минасовой, Д.Б. Гудковым, Н.Л. Шамне, В.И. Тхориком и Н.Ю. Фанян, В.А. Масловой, В.И. Шаховским, А. де Лазари.

Настоящее исследование выполнено в русле восточнославянской лингвокультурологии. Его объектом являются концепты РАДОСТЬ и ЗАВИСТЬ, обозначающие эмоциональное и ментальное состояние человека.

Лингвокультурное моделирование концептов является одним из наиболее активно развивающихся направлений современного языкознания. Вместе с тем многие вопросы в лингвоконцептологии относятся к числу дискуссионных, в частности соотношение концептов и ключевых идей лингвокультуры, динамика развития концептов, их вариативность.

Методы анализа языковой картины мира, использованные в работе, базируются на принципах, касающихся соотношения научной и языковой картины мира, выработанных Ю.Д. Апресяном и его школой [2]. Одним из важнейших инструментов анализа является сформулированное А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелевым понятие «ключевые идеи языковой картины мира», а также введенное В.Ю. Михайлиным понятие «социальной матрицы» [11].

Методы анализа языковой картины мира, использованные в работе, базируются на принципах, касающихся соотношения научной и языковой картины мира. Слова *рад*, *рада*, *радо* являются основным выражением концепта *радость*; существительное *радость* является производным от краткого прилагательного. Согласно этимологическому словарю русского языка Г.П. Цыганенко, современное слово РАД развилось из др.-рус. *радъ*, что восходит к праславянскому **radъ*, развившемуся из **ordъ* «желание, охота», в нем нач.

or- изменилось в ra-. Происхождение *ordъ объясняется по-разному. Одни считают, что оно образовано с суф. -d- < и.-е. -dh- от корня *or-/ *er- «любить». Другие возводят праслав *ordъ к и.-е. ārda «забота, старание», происходящему от того и.-е. *ordh- «расти», «выросший», что и глаг. *расти*. В таком случае значение семемы *рад* развивалось следующим образом: «*желающий расти*» > «*озабоченный*» > «*горячо желающий чего-либо*», «*успевающий*» > «*наполненный приятным чувством*», «*довольный*» [22, с. 347]. Таким образом, в обоих случаях внутренняя форма исходного **РАДЪ** содержит такие семантические компоненты, как наличие второго субъекта – источника «наполненности» удовольствием, фрагмент «отдачи» со стороны первого субъекта, жертвенности, свойственной высокому проявлению любви, – то есть тут можно говорить о внутреннем образе «круговорота общения».

Согласно этимологическим данным, др.-рус. *зависть* развилось из праслав. *zavidtь, образованного с суф. -t-ь (как *вѣсть*, *честь*) от глаг. *zaviděti «*заметить*» [22, с. 134]. Праславянское *zavidtь носило эмоционально нейтральный характер и означало «*заметить*». Как видим, внутренняя форма семемы *зависть* также предполагает своеобразную «круговоротную» структуру, включающую наличие второго субъекта – источника чувства *зависти* и фрагмент «отдачи» ему же негативных чувств. Позже в контексте мифологического дискурса возникает негативный коннотативный компонент значения.

В славянской мифологии как исходном пласте культуры наблюдается образная «эволюция» иконического воплощения *радости*: *Лада* → *Ладо* → *Радо* → *Радость*, где *Лада* – богиня любви, покровительница браков, домашнего очага, богиня юности, красоты, плодородия, а *Ладо* – божество света, красоты, мира, радости, любви, веселия, согласия и всякого благополучия [16, с. 103]. Становится очевидным, что объективизация концепта *радость* в славянском мифологическом дискурсе происходит в виде персонификации первичного понимания *света, красоты, мира, радости, любви, согласия и всякого благополучия*.

Подобная иконическая реконструкция эмоции *зависть*, как справедливо отмечает Р.И. Александрова, невозможна, так как у славян *зависть* не выступает в ранге божества [1, с. 66–81], подобно тому, как в античной мифологии она представляется уродливой и косоглазой сестрой богини *Нике* или в образе демона с «дурным глазом» (ophthalmos baskanos). *Зависть* и «злой взгляд» вызывали ужас не только у римлян, греков, но и в исламской культуре, иудеев и др. и среди ранних христиан.

Символом *зависти* в восточнославянской мифологии чаще всего символом доминирующим оказываются негативные смысловые компоненты: *беда, несчастье, смерть, темные силы и др.*

Следовательно, наши предки славяне приписывали языческим божествам *зависть* как *негативное чувство алчности, зла, тьмы, смерти и т. д.*

В христианском религиозном дискурсе концепт *радость* перемещается на ключевую позицию, приобретая духовный смысл и не имея ничего общего с весельем: «*Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святого, обогатились надеждою*» (Рим. 15:13) [23].

Согласно библейскому словарю В.П. Вихлянцева, *радоваться* (Деян. 15:23; 23:26; Иак. 1.1) – распространенное в древности приветствие в письмах (посланиях). *Радость* в православном дискурсе – не случайное эмоциональное переживание, а *основа* наших личных отношений с Богом: «*Радуйтесь всегда в Господе*», – писал апостол Павел Филиппийцам [3, с. 242].

Зависть (лат. *invidia*) в христианстве считается одним из смертных грехов, поскольку предполагает убеждение в несправедливости установленного Богом порядка. В книге «Патриархи и пророки» известной исследовательницы Писания Е. Уайт говорится о том, что первым грехом была *зависть Люцифера*, нарушившая законы гармонии. [17, с. 8]. Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но *завистью* дьявола вошла в мир смерть [14, с. 248]: *зависть* Каина к брату толкает его на первое в истории убийство (Быт. 4:1–16) [3, с. 4].

Святоотеческая литература – проповеди Василия Великого, Феофана Затворника и Иоанна Златоуста и других просветителей православной церкви – содержит глубокое осмысление *зависти* как смертного греха. *Зависть* здесь сродни *унынию*, отличаясь

«предметностью» и противопоставляется христианским добродетелям – *покаянию, великодушию и состраданию*.

Таким образом, в религиозном дискурсе можно выделить доминирующие смысловые компоненты *зависти*: *самовозвышение, гордость, беззаконие, смерть, страдание, предательство*.

Близкой к христианской трактовке является объективизация концептов *радость* и *зависть* в этико-философском дискурсе. В целом следует отметить, что понятийные структуры концептов *радость* и *зависть* в славянской культуре «проработаны» достаточно глубоко при сохранении первичного «круговоротного» представления, включающего субъект, объект *радости/зависти* и живую силу, направленную на созидание (*радость*) или разрушение (*зависть*).

Эволюция семантической структуры соответствующих данным концептам семем *радость* и *зависть* отражает базисные этические основы восточнославянской языковой картины мира. Наиболее характерным явлением в развитии семемы *радость*, по материалам «Словаря...» В. Даля, является метонимическая транспозиция – перенос наименования эмоции *радость* на событие или предмет, возбудивший эти душевные чувства: *Сказать вам радость? т. е. радостную весть; Наши радости (потехи) перед Богом гадо-сти; Старость не радость, горб не корысть; Радость по радости – Макар с товарищам-ми!; Сей слезами, радостию пожнешь* [9, с. 8] и др.

Метонимическая транспозиция сопровождается утратой абстрактного значения и переходом в разряд конкретных существительных, что подтверждается возможностью сочетания с количественными числительными и употреблением в форме множественного числа: *При старости две радости: и с горбом и с бельмом (и горб и кила); у нашего старосты три радости: корова пала, изба сгорела да жена померла; взыгрся младенец радощами во чреве моем; создай (дай) тебе Господь в радощах жить! Погуляем на радостях* [8, с. 8].

Зафиксированы и отдельные случаи специализации семемы: *Радость, стар. брачный пир, свадьба, южн. или зап. веселье, весёлки. Радость сердечная, растение Borago, огуречная трава, огуречник* [8, с. 8].

Максимальная выраженность субъективно-личностного компонента наблюдается в соответствующем прилагательном: *Рад другу, да не как себе; Радый не тужит; И рад бы в рай, да грехи не пускают* [8, с. 8].

При клишировании или переходе свободных словосочетаний в междометные происходит лексикализация прилагательного:

Рады стараться! (солдатский ответ на похвалу начальника); Рад душу за тебя положить! и др. [8, с. 8].

Своеобразной интенсификации значения служат редуцированные формы фольклорного происхождения: *я радым-радешенек; млада радом-радешенька, рада-радехонька* и др. [8, с. 8].

Отдельная группа производных от *радость* слов, как правило, ограниченного употребления (диалектизмы) образует пласт **лексических архаизмов**: *Раду(о)нец м. или раду(о)ница, радовница ж. радошница, сев. зап. навий день, родительская, день поминовения усопших на кладбище, на Фоминой неделе; ... В костр. ниж. радуница или красная горка, вся фомина неделя, первая по пасхе... На западе говорят и радованцы, радованские поминки* [9, с. 554].

Радить, радеть и раденье – обозначение духовного процесса, «материальным» коррелятом которого является «заботиться о»: *Он о храме Божьем радит, радеет, вносит вклады, собирает. Ну как не порадеть родному человечку! (А. Грибоедов)* [8, с. 8].

Метонимический перенос данного наименования наблюдается в русском диалектном (южн. зап. пск.) слове *радить* (кому что) и укр. *радити* – советовать, помогать советом, наставленьем, дать ума, наумить, надоумить: *По шкоде радить (радзиць), поздно. Радила коза козлу в огород не лазить, а сама там* [8, с. 8]. Метонимический перенос обуславливает значение слова *рада* ж. – совет или помощь, а также – собранья, совещанья, общественного или правительственного; сходка по делу, вече: *царская рада, государственный совет. Рада сошлась. Казачья рада* [8, с. 8], укр. *Верховна рада*.

Объективизация концепта *радость* во фразеологических единицах позволяет выделить следующее «образное наполнение» концепта:

радость – свет: глаза светятся радостью; радость осветила лицо;

радость – звук: радостные ноты в слове; тихая радость;

радость – полёт (воздух): летать от радости; радость окрыляет на крыльях радости;

радость – наполнение: радость заполняет сердце; слезы радости [75].

В лексикографических материалах, в частности далевском «Словаре...», отражены характерные тенденции в эволюции семантической структуры лексемы *зависть*. Отдельные случаи представляют метонимическую транспозицию наименования эмоции *зависть* на её «внешние» проявления: *Завистью ничего не возьмешь (сделаешь); В зависти нет корысти*). В фольклорных поговорках представлена персонификация: *Лихоманка да зависть – Иродовы сестры; Зависть прежде нас родилась* [8, с. 560].

Своеобразное усиление, увеличение напряженности, происходит в таких производных формах, как *завищий, завидливый, завидующий, завидище* (предмет, возбуждающий зависть): *Глаза завидущи, руки загребущи; Завидущи глаза не знают стыда; Добрый сын всему свету завидище* [22, с. 560]. Обогащение семантической структуры производящей основы, коннотативное приращение, происходит в ряде производных образований: *Завистливое око видит широко (далеко); Он завистлив врать: не уступит; С доброго будет, а завистливому шиш!* [8, с. 560].

Образная объективизация концепта *зависть* во фразеологических единицах актуализирует следующие смыслы:

зависть – голод: Глотать слюнки (от зависти);

зависть – болезнь и смерть: Мучиться завистью; Зависть душит; Зависть отравляет;

зависть – живое паразитирующее существо: Зависть заедает; (Ее, его) точит зависть; (Ее, его) гложет зависть;

зависть – уничтожающий огонь; жар: Зависть испепеляет.

Крайней разрушительной силой характеризуется «*черная зависть*», побуждающая субъекта совершать злонамеренные действия по устранению чужого благополучия и радости, которое влечет за собой уныние, гнетущую тоску, безнадежность. Фразеологизм *белая зависть* означает чувство, которое не несет в себе разрушительных элементов, оно активизирует человека к деятельности, чтобы достичь такого же, что есть у другого субъекта.

В целом эволюция семантической структуры соответствующих семем *радость* и *зависть* в русском языке базируется на внутренней форме и «разворачивается» в тесном взаимодействии с эволюцией соответствующих концептов в христианском и этико-философском дискурсах.

Список использованных источников

1. Александрова Р.И. Славянские божества / Р.И. Александрова // Вестник московского университета. – Серия 7. Философия. – № 1. – 2002. – С. 66–81.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки Русской культуры», Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995 – Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – 1995. – 472 с. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 1995. – 766 с.
3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. – М.: Российское библейское общество, 2001. – 956 с.
4. Василий Великий, святитель. Беседа 11. О зависти. Творения. Т. 2. – СПб., 1911. Репринт.
5. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
6. Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение / С.Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – Краснодар, 2003. – Т. 17, вып. 2. – С. 268–276.

7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 / В.И. Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 554 с.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4 / В.И. Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 535 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2000. – 736 с.
10. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
11. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 456 с.
12. Кэрролл Е. Эмоции человека / Е. Кэрролл; под ред. Л.Я. Гозмана, М.С. Егоровой. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 439 с.
13. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. ВГПУ. – Волгоград, 2001. – С. 3–16.
14. Кондратов А. Великий потоп. Мифы и реальность / А. Кондратов. – Л.: Гидрометеоздат, 1982. – 152 с.
15. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Наука, 1997. – С. 267–279.
16. Персонажи славянской мифологии. / Рис. словарь. / Сост.: А.А. Кононенко, С.А. Кононенко. – К.: Фирма «Корсар», 1993. – 224 с.
17. Уайт Е. Патриархи и пророки / Е. Уайт. – К.: Источник жизни, 2002. – 768 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 / Макс Фасмер. – М.: Прогресс, 1967. – 864 с.
19. Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Т. 3 / Макс Фасмер. – М.: Прогресс, 1971. – 877 с.
20. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
21. Фромм Э. Душа человека / Эрих Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
22. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. / Г.П. Цыганенко. – К.: Радянська школа, 1989. – 511 с.
23. Шаховский В.И. Отражение эмоций в семантике слова / В.И. Шаховский // Изв. АН СССР. Серия Лит. и яз. – 1987а. – № 3. – С. 237–243.
24. Акулов А. Философский словарь [Электронный ресурс] / А. Акулов. – Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/185/>

Наведено аналіз структурно-функціональних характеристик емоційних концептів «радість/заздрість» у міфологічному та філософсько-релігійному дискурсах. Основну увагу приділено структуризації семантичних компонентів відповідних лексем радість/заздрість (на матеріалах «Словника...» В.І. Даля) з урахуванням їх парадигматичних та синтагматичних зв'язків у російській мові.

Ключові слова: концепт, концептуальна та мовна картина світу, смисловий компонент, синтагматичні та парадигматичні зв'язки.

The paper presents an analysis of structural and functional characteristics of emotional concepts «joy/envy» in the East Slavic mythological, philosophical and religious discourse. Methods of analysis used in the study, based on the principles relating to the ratio of scientific and linguistic world. In the first part of the article the prototypical images underlying emotional concepts in the mythological picture of the world of the Eastern Slavs.

Key words: a concept, a conceptual and language picture of the world, a semantic component, syntagmatic and paradigmatic communications.

Одержано 21.10.2014.